

Ребекка

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)
Д96

Серия «Зарубежная классика»

Daphne Du Maurier
REBECCA

Перевод с английского *Г.А. Островской*

Серийное оформление *А.А. Кудрявцева*

Компьютерный дизайн *Ж.А. Якушевой*

Печатается с разрешения The Chichester Partnership
и литературных агентств Curtis Brown Group Limited
и Andrew Nurnberg.

Дюморье, Дафна.

Д96 Ребекка: [роман] / Дафна Дюморье ; [пер. с англ.
Г.А. Островской]. — Москва : Издательство АСТ, 2016. —
477, [3] с. — (Зарубежная классика).

ISBN 978-5-17-067989-8

«Ребекка» — не просто самый известный роман Дафны Дюморье. Не просто книга, по которой снят культовый фильм А. Хичкока. Не просто произведение, заложившее стилистические основы всех «интеллектуальных триллеров» наших дней. «Ребекка» — это роман уникальный, страшный — и прозрачный, простой — и элитный. Роман, без которого не существовало бы ни «Степного волка» Гессе, ни «Кэрри» Кинга.

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)

© The Estate of Daphne du Maurier, 1938
© Перевод. Г.А. Островская, наследники, 2010
© Издание на русском языке AST Publishers, 2016

Глава 1

Прошлой ночью мне снилось, что я вернулась в Мэндерли. Мне чудилось, будто я стою у железных ворот перед подъездной аллеей и не могу войти. Путь прегражден, на воротах — цепь и замок. Я позвала привратника, но не получила ответа и, прижавшись лицом к ржавым прутьям, увидела, что сторожка покинута.

Из трубы не поднимался дымок, забранные решетками окошечки зияли пустотой. Затем, как это бывает во сне, я вдруг преисполнилась чудодейственных сил и, словно бесплотный дух, проникла сквозь преграду. Передо мной уходила вдаль извилистая подъездная аллея, петляя по сторонам, как и в прежние времена, но чем дальше я шла, тем сильнее меня охватывало чувство, что она стала другой: узкой, запущенной, ничуть не похожей на самое себя. Сперва я была в недоумении, ничего не могла понять, и лишь когда мне пришлось наклонить голову, чтобы не наткнуться на низко свисавшую ветку, догадалась, что произошло. Природа вновь вступила в свои права; незаметно подкрадываясь, наступая шаг за шагом, она вторглась в аллею, схватила ее длинными цепкими пальцами. Деревья, издавна угрожавшие ей, наконец одержали победу. Темные, вышедшие из-под узды, они подступали к самым ее краям. Склонились друг к другу буки с белыми обнаженными сучьями, их ветви сплелись в диковинном объятии, образуя надо

мною свод, подобный церковной аркаде. Были тут и другие деревья, которые я не узнавала, — приземистые дубы и корявые вязы, стоящие бок о бок с буками; они проросли из безмолвной земли рядом с чудовищным кустарником и другими растениями, ни одно из которых я не могла припомнить.

Аллея стала узкой лентой, ниточкой в сравнении со своей прежней шириной, гравий исчез, она заросла травой и мхом. Загораживая дорогу, протянулись вперед низкие ветви; узловатые корни были похожи на лишенные плоти когтистые лапы. Там и сям среди этой дикой поросли я узнавала кусты, служившие ориентирами в былые дни, прелестные гортензии — плод садовничьего искусства, — голубые головки которых были некогда столь знамениты. Теперь ничья рука не сдерживала их рост, и они одичали, вытянулись до устрашающей высоты, но больше не цвели и стояли темные, уродливые, как безымянные паразиты, что росли возле них.

Все дальше и дальше, то на восток, то на запад, вилась жалкая ниточка, бывшая некогда подъездной аллеей. Порой она совсем терялась, но возникала опять — за упавшим деревом или по другую сторону топкой вымоины, оставшейся после зимних дождей. Я не думала, что дорога так длинна. Видно, мили умножились, как и деревья, и эта тропа вела в глухое место, в лабиринт, а не к дому... Я вышла к нему внезапно — подход был скрыт противоестественно разросшимися огромными кустами, торчащими во все стороны, — и застыла: сердце гудко билось в груди, слезы щипали глаза.

Передо мною был Мэндерли, наш Мэндерли, затаенный и безмолвный, как встарь, серый камень поблескивал в лунном свете моего сна, высокие, узкие трехстворчатые окна отражали зеленую траву и террасу. Время было бессильно перед идеальной симметрией этих стен, перед этим домом — алмазом в углублении ладони.

Террасы уступами отлого спускались вниз, к лужайкам, лужайки тянулись почти до самого моря, и, обернувшись, я

увидела серебряную полосу, безмятежную под луной, как озеро, покой которого не нарушают ни ветер, ни волны. Эти воды моего сна не рябила зыбь, прозрачное бледное небо не затягивали тяжелые тучи, гонимые западным ветром. Я снова обернулась к дому и увидела, что, хоть сам он стоит нетронут, нерушим, словно мы только вчера покинули его, сад, как и парк, одичал, подчинился закону джунглей. Рододендроны вытянулись вверх на пятьдесят футов, их стволы искривились, переплелись с орляком; они уже давно вступили в противоестественный союз со множеством безымянных растений, жалких ублюдков, которые цеплялись за их корни, словно стыдясь своего незаконнорожденного происхождения. Сирень спарилась с красным буком, и, чтобы еще крепче соединить их друг с другом, злобный плющ, вечный враг красоты, обвил их усиками, заключив в свое узилище. В этом погибшем саду плющ был всему владыка, его длинные плети ползли по лужайкам, скоро они вторгнутся и в самый дом. Было там еще одно растение, детище леса и сада, давным-давно посеянное под деревом, а затем преданное забвению; теперь, двигаясь в ногу с плющом, оно, словно гигантский ремень, опускало уродливые листья к мягкой траве, где некогда цвели нарциссы.

В авангарде полчища шла крапива. Она проникла повсюду — душила траву, расползалась по дорожкам, заглядывала — долговязая, тощая, грубая — в окна. Дозорный из нее был плохой, во многих местах ее ряды были сломаны похожим на ремень растением, вялые стебли и сморщенные листья стелились по земле, образуя кроличьи тропы... Я сошла с подъездной аллеи и зашагала по террасе к дому, для меня во сне крапива была не страшна — для очарованного путника нет преград.

Лунный свет играет странные шутки с нашим воображением, даже с воображением объятого сном. Стоя там недвижно и безмолвно, я могла бы поклясться, что дом — не просто пустая оболочка, что он живет и дышит, как встарь.

Из окон струился свет, в ночном воздухе тихо колыхались гардины, дверь в библиотеку, наверное, полуоткрыта — так, как мы оставили ее, — и на столе, рядом с вазой осенних роз, лежит мой платок.

Все в комнате свидетельствует о том, что мы здесь. Кучка библиотечных книг с пометкой «возвратить», прочитанный номер «Таймса», пепельница с окурком сигареты, подушки на спинках кресел с отпечатками наших голов; угли в камине, где вечером жарко пылал огонь, все еще тлеющие, хотя настало утро. И Джеспер, любимый Джеспер, с говорящими глазами и тяжелой, отвисшей нижней губой, растянувшийся на полу и виляющий хвостом при звуке шагов хозяина.

Облако, невидимое до тех пор, закрыло луну и повисло на миг, как темная, заслонившая лицо рука. И вместе с лунным светом исчезла иллюзия, погасли огни в окнах дома. Я глядела на пустую бездушную оболочку, где больше не блуждали тени прошлого, где за голыми стенами не слышен был шепот его бывших обитателей.

Дом был гробницей, в его руинах лежали похороненные нами страдания и страх. Воскрешения из мертвых не будет. Теперь, думая о Мэндерли наяву, я не стану испытывать горечи. Я буду думать о том, как бы все могло быть, если бы я была способна жить там без страха. Буду вспоминать розарий летом и птиц, поющих на заре. Чай под каштаном и рокот моря, доносившийся до нас снизу, из-за лужаек.

Я буду думать о цветущей сирени и о Счастливой Долине. О том, что нетленно, что не может исчезнуть. Эти воспоминания не причинят мне боли. Все это я решила во сне, в то время как тучи заслонили лик луны, ибо — как большинство спящих — я знала, что вижу сон, что все это мне только снится. В действительности я лежала в постели в чужой стране, в тысяче миль оттуда, и через несколько секунд проснусь в небольшом пустом гостиничном номере, в самой безликости которого есть покой. Я вздохну, потянусь, перевернусь на другой бок и,

открыв глаза, не пойму в первый миг, почему так сверкает солнце, так беспощадно ярка синь неба, столь непохожего на освещенное мягким светом луны небо моего сна. День, ждущий нас, будет долог и однообразен, не спору, но зато преисполненный умиротворения, дорогой для нас безмятежности, ранее неведомой нам. Мы не будем говорить о Мэндерли. Я не расскажу о своем сне. Ибо Мэндерли больше нам не принадлежит. Мэндерли больше нет.

Глава 2

Мы никогда туда не вернемся, это бесспорно. Прошлое все еще слишком близко к нам. Все, что мы пытались забыть, оставить позади, может вновь пробудиться, и страх, тайное беспокойство, перерастающее постепенно в слепую, не поддающуюся доводам рассудка панику — сейчас, слава Богу, утихшую, — может непостижимым образом вновь стать нашим постоянным спутником.

...Он удивительно терпелив и никогда не жалуется, даже когда ему на память приходит бывшее... что случается, я думаю, гораздо чаще, чем он показывает мне.

Я сразу догадываюсь об этом по его потерянному, отсутствующему виду. Внезапно это любимое лицо утрачивает всякое выражение, словно его стирает невидимая рука, и превращается в маску: застывшие черты по-прежнему прекрасны, но лишены жизни и тепла, словно высечены из мрамора. Он принимается курить сигарету за сигаретой, забывая их гасить, и тлеющие окурки осыпают кругом землю, как лепестки. Начинает оживленно и быстро говорить... ни о чем, хватаясь за любую тему, лишь бы унять боль. Кажется, существует теория, что страдания облагораживают людей, делают их сильнее

и, чтобы шагнуть вперед, мы должны пройти искуc огнем. Этого нам досталось с лихвой, как ни иронически звучат мои слова. Оба мы узнали, что такое страх, и одиночество, и душевная мука. Я думаю, в жизни каждого человека рано или поздно наступает испытание. У всех нас есть собственный дьявол-мучитель, который ездит на нас верхом и с которым в конце концов мы вынуждены сразиться. Своих дьяволов мы одолели, во всяком случае, так мы полагаем.

Дьяволы больше на нас не ездят. Мы выиграли битву, хотя и покрылись шрамами от ран. Его предчувствие, что нас ждет несчастье, было верным с самого начала, и, как плохая актриса в слабой пьесе, я могу велеречиво возгласить, что мы заплатили за свою свободу. Но с меня хватит мелодрам в этой жизни, и я охотно отдала бы свои пять чувств, если бы это помогло сохранить теперешние покой и защищенность. Счастье не приз, который получаешь в награду, это свойство мышления, состояние души. Конечно, у нас бывают порой минуты уныния и грусти, но бывают и другие минуты, когда время, не подвластное часам, незаметно течет вперед и переходит в вечность, и, поймав его улыбку, я знаю, что мы — вместе, что мы шагаем в лад, между нами нет расхождения в мыслях или взглядах, которые могли бы нас разъединить.

У нас нет больше друг от друга секретов. Мы делимся всем. Не спорю, наш скромный отель довольно уныл, кормят здесь неважно, один день похож на другой, и все же мы не хотели бы жить иначе. В больших отелях встречалось бы слишком много людей, которые его знают. Мы оба непривередливы, а если нам и бывает скучно... что ж, скука — хорошее лекарство от страха. Мы привыкли к нашей монотонной жизни, и я... я научилась прекрасно читать вслух. Он проявляет нетерпение лишь тогда, когда задерживается почтальон, — значит, пройдет еще день, пока придет почта из Англии. Мы пробовали пользоваться приемником, но треск действует ему на нервы, и мы предпочитаем подождать, но зато уж получить удоволь-

ствие: результаты крикетного матча, сыгранного недели назад, так много теперь для нас значат.

Соревнования по крикету между Англией и Австралией, спасавшие нас от тоски, встречи по боксу, даже турниры бильярдистов! Финальные игры между спортивными командами закрытых школ, собачьи гонки, диковинные состязания в отдаленных графствах — все это льет воду на нашу мельницу, мы все перемелем. Иногда мне попадает старый экземпляр «Филда», и я переносусь с этого малопримечательного островка в настоящую английскую весну. Я читаю о ручьях меж меловых берегов, о поденках, о щавеле, растущем на зеленых лугах, о грачах, кружащих над деревьями, в точности как в Мэндерли. От захватанных, рваных страниц журнала до меня доносится запах сырой земли, кислый привкус торфа с сухих болот, я ощущаю под пальцами набухший от воды мох, с белеющими там и сям пятнами помета цапли.

Однажды мне попала в «Филде» статья о диких голубях, и, когда я читала ее вслух, мне чудилось, будто я снова в Мэндерли, в самой глубине парка, и голуби порхают у меня над головой. Я слышала их тихое самодовольное воркование, навевающее умиротворенность и прохладу в жаркие летние послеполуденные часы. Ничто не нарушало их покоя, пока не появлялся Джеспер; опустив мокрый нос к земле, он бежал вприпрыжку по подлеску, разыскивая меня.словно старые дамы, застигнутые во время омовения, голуби суетливо вспархивали из своих убежищ, бестолково носились взад и вперед, шумно хлопая крыльями, и улетали от нас над верхушками деревьев. Вот их уже не видно и не слышно. Когда они исчезали, наступала иная тишина, и я, встревоженная, не зная сама чем, вдруг замечала, что с шуршащих под ногами листьев исчез солнечный узор, ветки деревьев потемнели, тени удлинились; вспоминала, что к чаю меня ждет свежая малина. Я поднималась с куртинки папоротника, стряхивала с юбки лоскутки прошлогодних листьев и, подозвав свистом Джеспера,

направлялась к дому, презирая себя за торопливую поступь, за брошенный назад быстрый взгляд.

Ну не странно ли? Какая-то статья о диких голубях так живо вызвала в памяти прошлое, что я стала спотыкаться на каждой строке. Внезапно я и совсем замолчала — я увидела, как посерело его лицо, — и принялась перелистывать страницы, пока не нашла краткого отчета о крикете, очень делового и скучного: команда Мидлсекса успешно отбивала мячи от своих ворот в «Овале»*, набирая все большее количество перебежек. Как я благословляла эти невозмутимые фигуры в спортивных костюмах! Через несколько минут его лицо расслабилось, на щеки вернулся румянец, и он со здоровым раздражением принялся высмеивать подачу мячей серрейской команды.

Мы избежали возвращения в прошлое, но для меня это было хорошим уроком. Читай на здоровье вслух все английские новости: спортивные, политические и светские — всё, в чем проявляется английское самодовольство, но то, что причиняет боль, в будущем держи при себе. Краски, ароматы, звуки, дождь, плеск волны, даже осенние туманы и запах воды при разливе — в этих воспоминаниях о Мэндерли я себе не могла отказать. Но потворствовать этой своей слабости можно лишь втайне от него. Некоторые люди грешат тем, что читают железнодорожные справочники. Они планируют бесчисленные поездки по стране просто ради удовольствия согласовать расписание поездов и самые невозможные пересадки. Мое «хобби» менее скучное, хотя не менее странное. Я — неистощимый источник сведений о сельской Англии. Представьте себе, я знаю имена всех владельцев всех вересковых пустошей и торфяных болот и их арендаторов тоже. Я знаю, сколько убито тетеревов, куропаток и оленей за охотничий сезон. Я знаю, где водится форель, где играет лосось. Я присутствую при всех охотничьих сборах, участвую во всех гонах. Даже имена тех, кто вываживает охотничьих щенков, мне знакомы. Состояние урожая, цена племенного скота, таинственные болезни свиней —

---

* Площадка для игры в крикет в Лондоне.

для меня нет более приятного чтения. Жалкое занятие, возможно, и не очень-то развивающее ум, но я дышу милым мне воздухом Англии и могу потом с бóльшим мужеством глядеть на это сверкающее небо.

Низкорослые виноградники и крошащиеся под ногой камни перестают существовать, ведь я могу, если захочу, дать волю воображению и собирать наперстянку и бледную дрёму среди сырых от росы живых изгородей.

Бедные причуды фантазии, такие скромные, такие хрупкие... Они помогают побороть горечь и сожаление и скрашивают ссылку, на которую мы сами себя обрекли.

Благодаря им я с удовольствием иду на послеполуденную прогулку и возвращаюсь с улыбкой, свежая, готовая стойко выдержать ритуал чаепития. Он неизменен. По два ломтика хлеба с маслом и китайский чай. Какой мы, должно быть, кажемся старозаветной парой, цепляясь за этот обычай лишь потому, что привезли его из Англии. Здесь, на этом балконе, белом, безликом, из века заливаемом солнцем, я вспоминаю Мэндерли, где ровно в половине пятого ставился в библиотеке перед камином чайный стол. Минута в минуту распахивались двери, и начиналась никогда не изменяющаяся процедура накрывания на стол: белоснежная скатерть, серебряный поднос, чайник с кипятком. Джеспер — длинные, как у всех спаниелей, уши свисают до полу — делает вид, будто его вовсе не волнует появление пирожков. Каждый день нас ждало целое пиршество, а мы ели так мало.

Как сейчас вижу эти масляные сдобные булочки, крошечные хрустящие треугольные тосты, ячменные и пшеничные лепешки с пылу с жару! Сандвичи неизвестной мне природы, с таинственным запахом и такие восхитительные на вкус, и совершенно особенную имбирную коврижку. Торт с кремом из кокосовых орехов, тающий во рту, и его более солидного соседа — кекс с изюмом и цукатами. Еды было столько, что ее хватило бы на неделю целой семье. Я так и не узна-

ла, куда все это девалось, и подобное расточительство порой тревожило меня.

Но я не осмеливалась спросить миссис Дэнверс. Она бы презрительно взглянула на меня, улыбаясь своей ледяной надменной улыбкой, и сказала — я так и слышу ее слова: «Ко мне не было никаких претензий, когда была жива миссис де Уинтер». Миссис Дэнверс. Интересно, что она делает теперь? Она и Фейвел. Я думаю, именно из-за этого выражения ее лица мне впервые стало не по себе. У меня невольно мелькнуло в уме: «Она сравнивает меня с Ребеккой» — и между нами острым мечом вонзается тень...

Теперь все это позади, с этим покончено, поставлена точка, подведена черта. Меня больше не мучают кошмары, не обуревают страхи, мы оба свободны. Даже верный мой Джеспер уснул вечным сном, а Мэндерли больше нет. Осталась лишь пустая оболочка в глубине запущенного парка; он такой, каким я видела его во сне. Заросли сорняков, царство птиц. Возможно, туда забредает порой бродяга или браконьер в поисках укрытия от внезапного ливня, и, если у него храброе сердце, это сойдет ему с рук. Но его робкому, слабонервному собрату лучше держаться подальше от Мэндерли, тамошний парк не для него. Кто знает, вдруг он нечаянно наткнется на домик в бухте; вряд ли он почувствует себя уютно, слушая, как мелкий дождь барабанит по обвалившейся крыше. Кто знает, вдруг там все еще не выветрилась та напряженная, томительная атмосфера... А поворот подъездной аллеи, где деревья теснят гравий, — там тоже не стоит задерживаться, особенно после захода солнца. Шелест листьев так напоминает шелест женского вечернего платья, словно кто-то пробирается там украдкой, а когда, внезапно задрожав, они падают на землю и несутся по дорожке, кажется, будто слышишь легкий перестук торопливых женских шагов, и вмятина на гравии похожа на след атласной туфельки на высоком каблуке.

Вот когда я вспоминаю обо всем этом, я с облегчением гляжу на панораму перед нашим балконом. В ослепительном свете не заметишь крадущихся теней, каменистые виноградники поблескивают на солнце, бугенвиллия бела от пыли. Быть может, наступит день и я взгляну на этот вид даже с нежностью. Сейчас он внушает мне если не любовь, то по крайней мере уверенность в себе. А уверенность — качество, которое я очень высоко ценю, хоть и обрела его поздновато. Я думаю, храброй меня сделало одно — его зависимость от меня. Во всяком случае, я избавилась от своей робости, неловкости, страха перед чужими. Я очень отличаюсь от той девочки, которая впервые ехала в Мэндерли, скованная отчаянной застенчивостью, полная надежд и упований, горячо желая понравиться. Конечно, мое полное неумение держаться и производило такое плохое впечатление на людей вроде миссис Дэнверс. Где мне было тягаться с Ребеккой! Память перекидывает мост к тем годам, и я вновь вижу, как я — прямые, коротко стриженные волосы, юное, ненапудренное лицо, плохо сидящий костюм и джемпер собственной вязки — плетусь позади миссис Ван-Хоппер, как пугливый, сторожкий жеребенок. Она шествует впереди меня к ленчу, с трудом сохраняя равновесие на высоченных каблуках, короткое туловище ходит ходуном, ее блузка, вся в воланах и рюшах, — комплимент огромному бюсту и раскачивающимся бедрам, новая шляпа с чудовищным пером надета набок, открывая широкий лоб, голый, как колено. В одной руке — гигантский ридикюль, из тех, где держат паспорта, записные книжки-календари, куда заносятся встречи и приглашения, и листки с записями счета при игре в бридж, другая — поигрывает неизбежным лорнетом, от которого не укрывается никто и ничто.

Она подходит к «своему» столику в углу зала, возле окна, и, подняв лорнет к свинячьим глазкам, обозревает ресторан, затем опускает лорнет — он повисает на длинной черной ленте — и восклицает недовольно: «Ни одной известной фигуры. Я потре-

бую у дирекции скидку. Для чего, они думают, я сюда приезжаю? Любоваться на мальчишек-рассыльных?» И пронзительным, отрывистым голосом, режущим слух, как пила, подзывает к себе официанта.

Как не похож ресторанчик, где мы теперь едим, на этот огромный, пышно и кричаще украшенный зал в отеле «Кот-д'Азюр»* в Монте-Карло, как не похож мой теперешний сотрапезник, который ровными, спокойными, методичными движениями красивых рук чистит мандарин, поднимая время от времени взгляд, чтобы улыбнуться мне, на миссис Ван-Хоппер, чьи жирные, униженные золотыми кольцами пальцы роются в тарелке, где горой лежат равиоли, а глазки быстро перебегают от ее тарелки к моей — вдруг я выбрала более вкусное блюдо. Она могла не волноваться: официант, с присущей их племени проницательностью, давно уже догадался о моем зависимом положении и теперь поставил передо мной блюдо с холодным языком, которое кто-то отправил обратно в буфет, так как мясо было плохо нарезано. Как странно, откуда эта злоба слуг, их неприкрытое раздражение? Помню, я однажды гостила вместе с миссис Ван-Хоппер в загородном доме. Горничная никогда не отвечала на мой робкий звонок и не приносила вычищенных туфель, а утренний чай, холодный как лед, проливала на пол за дверью в спальню. То же, хотя и в меньшей степени, было в «Кот-д'Азюр»; иногда же преднамеренное невнимание переходило в оскорбительную фамильярность, и покупка марок у ухмыляющегося портье превращалась в испытание, которого я предпочла бы избежать. Какой молодой и неопытной я, должно быть, казалась, да и чувствовала себя. Слишком уязвимая, слишком впечатлительная, я ощущала «шпильки» и булабочные уколы в словах, за которыми не скрывалось ничего дурного.

---

* «Лазурный берег» (фр.).

Как хорошо я помню эту тарелку с холодным языком! Сухой, неаппетитный, нарезанный с острого конца, но отказаться от него у меня не хватило смелости. Мы ели молча, так как миссис Ван-Хоппер не любила отвлекаться во время еды, а глядя, как течет у нее по подбородку соус, я понимала, что пельмени пришлись ей по вкусу.

Зрелище это не могло пробудить во мне аппетит к холодному языку; посмотрев в сторону, я заметила, что соседний столик, не занятый последние три дня, снова накрыт. Метрдотель, кланяясь так, как того удостаивались лишь избранные клиенты, препровождал на место вновь прибывшего гостя.

Миссис Ван-Хоппер положила вилку и навела на него лорнет. Я покраснела от стыда. Источник ее интереса, не замечая назойливого внимания, просматривал меню. Но вот миссис Ван-Хоппер со стуком сложила лорнет, перегнулась ко мне через столик и, сверкая глазами от возбуждения, проговорила громче, чем следовало:

— Это Макс де Уинтер. Владелец Мэндерли. Вы, конечно, слышали об этом поместье. Он неважно выглядит, правда? Говорят, не может оправиться после смерти жены.

Глава 3

Интересно, как сложилась бы моя жизнь, если бы миссис Ван-Хоппер не была снобом.

Забавно думать, что все мое дальнейшее существование оказалось обусловленным этим ее качеством. Ее любопытство было болезнью, чуть не манией. Сперва, видя, как люди смеются над ней за спиной, как они поспешно выходят из комнаты, когда она появляется, и даже убегают через служебный вход в коридоре, где был наш номер, я приходила в ужасное